

- Stefan V., Trinkaus E.** Discrete trait and dental morphometric affinities of the Tabun 2 mandible // *Journal of Human Evolution*. – 1998. – N 34. – P. 443 – 468.
- Stringer C.B.** Documenting the origin of modern humans // *The Emergence of Modern Humans: Biocultural Adaptations in the Later Pleistocene* / Ed. by E. Trinkaus. – Cambridge: Cambridge University Press, 1989. – P. 67 – 96.
- Stringer C.B.** Replacement, continuity and the origin of *Homo sapiens* // *Continuity or Replacement: Controversies in Homo sapiens Evolution* / Eds. G. Braüer, F. Smith. – Rotterdam: Balkema, 1992. – P. 9 – 24.
- Stringer C.B.** Current issues in modern human origins // *Contemporary Issues in Human Evolution* / Eds. W.E. Meikle, F.C. Howell, N.G. Jabonski. – California Academy of Sciences, 1996. – Memoir 21. – P. 115 – 134.
- Stringer C.B.** Chronological and biogeographic perspectives on later human evolution // *Neanderthals and Modern Humans in West Asia* / Eds. A. Takeru, A. Aoki, O. Bar-Yosef. – N.Y.: Plenum Press, 1998. – P. 29 – 37.
- Stringer C.B.** Modern human origins – distinguishing the models // *African Archaeological Review*. – 2001. – N 18. – P. 67 – 75.
- Stringer C.B., Andrews P.** Genetic and fossil evidence for the origin of modern humans // *Science*. – 1988. – N 239. – P. 1263 – 1268.
- Stringer C.B., Grün R., Schwarcz H.P., Goldberg P.** ESR dates for the hominid burial site of es-Skhal in Israel // *Nature*. – 1989. – N 338. – P. 756 – 758.
- Tchernov E.** Biochronology of the Middle Paleolithic and dispersal events of hominids in the Levant // *L'Homme de Néandertal*. – Liège: Études et Recherches Archéologiques de l'Université de Liège, 1988. – Vol. 2: L'Environnement / Ed. by M. Otte. – P. 153 – 168.
- Tchernov E.** New comments on the biostratigraphy of the Middle and Upper Pleistocene of the southern Levant // *Late Quaternary Chronology and Paleoclimates of the Eastern Mediterranean* / Eds. O. Bar-Yosef, R.S. Kra. – Tucson (AZ): Radiocarbon, Department of Geosciences, The University of Arizona, 1994. – P. 333 – 350.
- The Amud Man and His Cave Site** / Eds. H. Suzuki, F. Takai. – Tokyo: Academic Press, 1970.
- Trinkaus E.** The evolution of the hominid femoral diaphysis during the Upper Pleistocene in Europe and the Near East // *Zeitschrift für Morphologie und Anthropologie*. – 1976. – N 67. – S. 291 – 319.
- Trinkaus E.** The Shanidar Neanderthals. – N.Y.: Academic Press, 1983.
- Trinkaus E.** Western Asia // *The Origins of Modern Humans* / Eds. F.H. Smith, F. Spencer. – N.Y.: Alan R. Liss, Inc., 1984. – P. 251 – 293.
- Trinkaus E.** The Neanderthals and modern human origins // *Annual Review of Anthropology*. – 1986. – N 15. – P. 193 – 218.
- Trinkaus E.** The Neanderthal face: evolutionary and functional perspectives on a recent hominid face // *Journal of Human Evolution*. – 1987. – N 16. – P. 429 – 443.
- Trinkaus E.** Morphological contrasts between the Near Eastern Qafzeh-Skhal and late archaic human samples: Grounds for a behavioral difference? // *The Evolution and Dispersal of Modern Humans in Asia* / Eds. T. Akazawa, K. Aoki, T. Kimura. – Tokyo: Hokusen-Sha, 1992. – P. 277 – 294.
- Trinkaus E.** Comment // *Current Anthropology*. – 1993a. – N 34. – P. 620 – 622.
- Trinkaus E.** Femoral neck-shaft angles of the Qafzeh-Skhal early modern humans, and activity-levels among immature Near Eastern Middle Paleolithic hominids // *Journal of Human Evolution*. – 1993b. – N 25. – P. 393 – 416.
- Valladas H., Joron J.-L., Valladas H., Arensburg B., Bar-Yosef O., Belfer-Cohen A., Goldberg P., Laville H., Meignen L., Rak Y., Tchernov E., Tillier A.M., Vandermeersch B.** Thermoluminescence dates for the Neanderthal burial site at Kebara in Israel // *Nature*. – 1987. – N 330. – P. 159 – 160.
- Valladas H., Joron J.-L., Valladas H., Bar-Yosef O., Vandermeersch B.** Thermoluminescence dating of Mousterian “Proto-Cro-Magnon” remains from Israel and the origin of modern man // *Nature*. – 1988. – N 331. – P. 614 – 616.
- Valladas H., Mercier N., Froget L., Hovers E., Joron J.-L., Kimble W.H., Rak Y.** TL dates for the Neanderthal site of the Amud Cave, Israel // *Journal of Archaeological Science*. – 1999. – N 26. – P. 259 – 268.
- Vandermeersch B.** Les Hommes Fossiles de Qafzèh (Israel). – P.: CNRS, 1981.
- Vandermeersch B.** The Near Eastern hominids and the origins of modern humans in Eurasia // *The Evolution and Dispersal of Modern Humans in Asia* / Eds. T. Akazawa, K. Aoki, T. Kimura. – Tokyo: Hokusen-Sha, 1992. – P. 29 – 38.
- Vandermeersch B.** The Near East and Europe: Continuity of Discontinuity? // *Conceptual Issues in Modern Human Origins Research* / Eds. G.A. Clark, C.M. Willermet. – N.Y.: Aldine De Gruyter, 1997. – P. 107 – 116.
- Wolpoff M.H.** The place of the Neandertals in human evolution // *The Emergence of Modern Humans: Biocultural Adaptations in the Later Pleistocene* / Ed. by E. Trinkaus. – Cambridge: Cambridge University Press, 1989a. – P. 97 – 141.
- Wolpoff M.H.** Multiregional evolution: The fossil alternative to Eden // *The Human Revolution: Behavioural and Biological Perspectives in the Origins of Modern Humans* / Eds. P. Mellars, C.B. Stringer. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 1989b. – P. 62 – 108.
- Wolpoff M.H.** Levantines and Londoners // *Science*. – 1992. – N 255. – P. 142.
- Wolpoff M.H.** Interpretations of multiregional evolution // *Science*. – 1996. – N 274. – P. 704 – 707.
- Wolpoff M.H.** *Paleoanthropology*. – 2nd Edition. – N.Y.: McGraw-Hill, 1999.
- Wolpoff M.H., Caspari R.** On Middle Paleolithic/Middle Stone Age hominid taxonomy // *Current Anthropology*. – 1997. – N 31. – P. 394 – 395.
- Wolpoff M.H., Wu X., Thorne A.G.** Modern *Homo sapiens* origins: A general theory of hominid evolution involving the fossil evidence from East Asia // *The Origins of Modern Humans* / Eds. F.H. Smith, F. Spencer. – N.Y.: Alan R. Liss, Inc., 1984. – P. 411 – 483.

УДК 903.27

А.-П. Франкфор

*Институт археологии и этнографии, Франция
Maison d'archéologie et Ethnologie
21, allée de l'Université, 92023 Nanterre cedex FRANCE
tél: 33 (0)1 46 69 25 00
fax: 33 (0)1 46 69 26 23
E-mail: francfort@mae.u-paris10.fr*

ОБРАЗЫ, ЗАПЕЧАТЛЕННЫЕ НА КАМНЕ И В ПРЕДМЕТАХ ИСКУССТВА (по материалам погребений железного века Синьцзяна и древней Бактрии)

Давно уже было замечено, что в эпоху железа обитатели степей и гор увековечивали свое искусство не только на металле, дереве и тканях, но также на скальных выходах и отдельных камнях. Петроглифы Центральной Азии довольно разнообразны по сюжетам. Многие выполнены в одном стиле, хотя относятся к разным местонахождениям и культурам. Однако нельзя говорить о полном совпадении двух характерных и основных способов изобразительной деятельности, реализованных в наскальном и других видах искусства. Стилистические особенности, унаследованные от наскального искусства, не всегда проявляются в наборе вещей, которые сопровождали умерших людей. Набор изобразительных средств в наскальном искусстве во многом разнообразнее и богаче, чем в прикладном искусстве, получившем отражение на предметах, которые обычно встречаются в погребениях эпохи бронзы и железа. Конечно, мы лишены возможности видеть все многообразие вещей той эпохи, поскольку многие из них, в частности предметы из органических материалов, исчезли. Но набор основных изобразительных элементов на отдельных образцах искусства пазырыкской культуры более разнообразен, нежели тот, что представлен на выбитых на скалах петроглифах, где пазырыкский стиль сохранен лишь в незначительной степени [Кубарев, 1999].

В.Д. Кубарев выделил в петроглифах Алтая следующие образы: олень, лось, лошадь и всадник, хищник семейства кошачьих, дикий кабан, дикий баран с изогнутыми рогами, птицы с распростертыми крыльями, птицы в сидячей позе и рыбы, а также сцены нападения хищника на травоядных. Устойчивость этого ху-

дожественного канона отчасти объясняется относительно коротким периодом существования пазырыкской культуры и сравнительно небольшим ее ареалом на территории Алтая и Казахстана, например, самые западные памятники наскального искусства с образами, запечатленными в пазырыкском стиле, открыты на Джунгарском Алатау (Ишкеолмес) и в Западном Казахстане (Баян Джурек) [Самашев, 2001].

Следует учитывать, что цели у древних художников, воплотивших свой мир образов в наскальном искусстве, были, очевидно, иными, чем у литейщиков, резчиков по дереву, ткачей и вышивальщиц. Наскальное искусство, как и оленные камни, конечно же, связано с окружающей природной средой. Оно было призвано привлекать к себе внимание или служить особым целям. Точно так же другие виды искусства имели свое специфическое назначение – украшать одежду людей и конское снаряжение. Несомненно, украшались и жилища людей, о чем свидетельствуют, например, настенные ковры пазырыкцев. Технические аспекты изобразительной деятельности во многом определяли особенности наскального и других видов прикладного и декоративного искусства. Так, техника резьбы по дереву была совершенно бесполезна при создании изображений на поверхности камня. Было невероятно трудно сотворить нечто подобное изящной, сложной, многоцветной вышивке на женской одежде, обнаруженной в погребении Пазырык-2.

Цель этой статьи – обратить особое внимание на отдельные изобразительные элементы искусства Синьцзяна и Бактрии, где наскальные изображения содержат в себе информацию о культурных контактах земледельцев с жителями степных районов.

В середине и начале второй половины I тыс. до н.э. на территории Синьцзяна обитали носители разных археологических культур [Debaine-Francfort, 1988, 1989]. Материальную культуру населения Западного Такламакана представляют находки из Загуньлука и Джумбулак-Кума. Загуньлук – это могильник, расположенный около Чарчан (Киемо) [He Dexiu, 1998; Kambergi, 1994], а Джумбулак-Кум – крепость в пустынной долине р. Керия [Debaine-Francfort, 2001a, б]. Оседлое население Джумбулак-Кума, используя искусственное орошение, выращивало хлебные злаки. Люди жили в больших домах, около которых размещались хозяйственные ямы. Женская и мужская одежда из Джумбулак-Кума по крою очень походила на одежду пазырыкцев, о чем свидетельствуют исследования российских археологов [Феномен..., 2000; Полосьяк, 2001]. Среди находок имеются характерного вида юбки, шаровары, халаты. Могильники в окрестностях Джумбулак-Кума изучали участники Керийской археологической экспедиции Китая и Франции. Исследовались индивидуальные надгробные памятники и захоронения в гробах. В ходе работ при раскопках могильника Загуньлук были обнаружены индивидуальные и несколько коллективных захоронений. Кроме того, при изучении памятников меньшего размера удалось обнаружить множество хорошо сохранившихся органических остатков. Найдено довольно много художественно украшенных вещей, характерных для обитателей степей.

Здесь мы не будем касаться вопроса этнолингвистической принадлежности населения этого региона. Уделим внимание изображениям, выполненным резьбой по дереву, и соотнесем их с петроглифами. В этой связи уместно обсудить вопрос об элементах украшения металлических изделий и тканей, но допустимый объем статьи вынуждает сосредоточиться только на резьбе по дереву. Как увидим далее, резьба по дереву связана с разными бытовыми предметами повседневного пользования.

В рассматриваемый период Бактрия находилась под властью Ахеменидов, а позднее греков. Она занимала территории современного Северного Афганистана, Южного Таджикистана и Узбекистана. От нее было недалеко до Синьцзяна, если двигаться по дороге через Кашгар, Яркенд и Памир. Примерно в середине I тыс. до н.э. памирские саки пасли свой скот на высокогорных пастбищах Памира и Каракорума [Литвинский, 1972]. Хорошо известно, что в Бактрии было процветающее земледелие, основанное на искусственном орошении полей, и значительная часть населения проживала в крупных городских центрах. Сведения о надгробных памятниках периода господства Ахеменидов отсутствуют. Это, вероятно, объясняется тем, что зороастрийская ре-

лигия исключала такую деталь погребального обряда. Но с приходом в Бактрию греков появились ритуалы погребения и кремации.

О местном искусстве времен господства Ахеменидов и греков можно судить по результатам раскопок городов и некоторым случайным находкам, связанным с грабительскими раскопками погребений. Обратимся к некоторым итогам исследования французской археологической экспедиции на местонахождении Ай Ханум в Афганистане (находки датируются началом III – концом II в. до н.э.) [Francfort, 1984; Guillaume, Rougeulle, 1987], таджикско-русской экспедиции на памятнике Тахт-и Сандин в Таджикистане [Литвинский, 2000; Litvinskiy, Pichikyan, 1994, 1995; Pichikyan, 1992], а также к знаменитым сокровищам Амударьинского клада [Артамонов, 1973; Barnett, 1968; Dalton, 1964; Двуреченская, 1996; Кузьмина, 1977, 1979; Ставиский, 1977; Зеймаль, 1979] и содержимому “Второго Амударьинского клада” [Pichikyan, 1997]. При этом сосредоточим внимание не на образцах типичного искусства двора Ахеменидов, чисто эллинистического искусства и гениального искусства степняков с его оряментированными изделиями из металла, а на анализе искусства местных камнерезов. Речь пойдет не о великом искусстве, получившем отражение в архитектурных художественных деталях или монументальной скульптуре, а о резьбе по камню, украшающей небольшие предметы. Акцент при этом будет сделан на культурно-историческую связь резьбы с петроглифами.

Такламакан (Синьцзян). Резчики по дереву и петроглифы

В Синьцзяне много петроглифов открыто в китайской части Алтая, меньше их обнаружено в районе Тянь-Шаня и совсем немного в Куньлуне [Francfort, 1994; Су Бэйхай, 1994; Ван Бинхуа, 1988; Ван Лишань, Ван Бо и др., 1998; Ван Минчжэ, 1986; Чжао Янфэн, 1987].

А. *Изображения оленя* (рис. 1 – 3). Образы оленя на сосуде и гребне из Загуньлука примечательны типичными особенностями стиля (рога животных показаны на спине, изображены лишь две ноги) [Francfort, 2001, figs. 17, 21]. Интересны симметрично размещенные олени, у которых отсутствует задняя половина туловища. Они вырезаны на гребне, обнаруженном на Загуньлуке [Ibid, fig. 4]. Вырезанная фигура оленя на деревянном блюде известна по находкам из Джумбулак-Кума [Debaine-Francfort, 2000a, fig. at p.172]. Эти линейно-схематичные изображения сходны с изображениями животного в петроглифах Казахстана: Тамгалы [Mar’jashev, Gor’jachev, Potapov, 1998, pl. 23, fig. 46], Майэмир [Марсадилов и др., 1998; Самашев, 1992, рис. 64, 2 – 16; 175, 13, 19 – 22; 176, 15] и Алтая [Кубарев, 1999]. Композиции с симметрично размещенными оленями, у которых отсутствует задняя половина

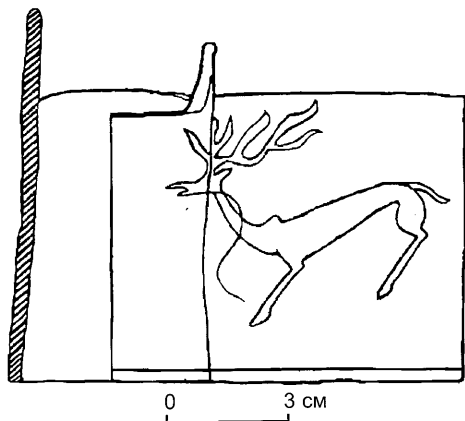

Рис. 1. Изображение оленя на деревянном сосуде. Загуньлук (Синьцзян).

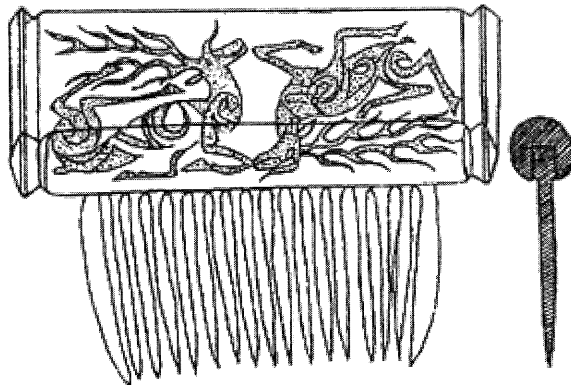

Рис. 2. Изображение оленя на деревянном гребне. Загуньлук (Синьцзян).

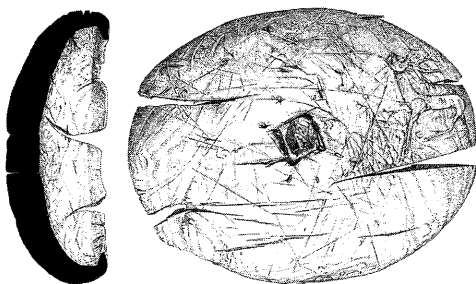

Рис. 3. Изображение оленя на деревянном блюде. Джумбулак-Кум (Синьцзян).

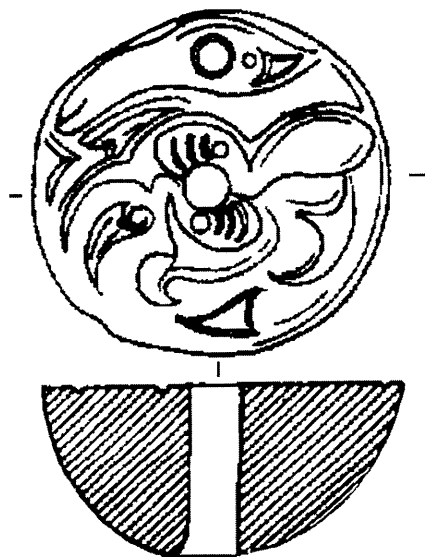

Рис. 4. Изображение лося на деревянном пряслице. Загуньлук (Синьцзян).

туловища, не воплощались на камне, но они часто встречаются на металлических поясных пряжках и диадемах [Francfort, 2001, p. 47].

Б. *Изображения лося* (рис. 4). На деревянном пряслице из Загуньлука вырезана фигура лося [Ibid, figs. 26, 27]. Среди петроглифов подобные изображения этого животного не известны. Однако манера исполнения головы, морды, носа, ушей типична для петроглифов Сибири периода архаики (Томская Писаница, Шалаболино, Суханиха, Алтай [Шер, 1980, рис. 101; Kilunovskaya et al., 2000]). Изображения лося, аналогичные отмеченному в Загуньлуке, характерны для культур железного века Тувы, Казахстана и Алтая [Баркова, 1984; The Altai Culture..., 1995; Кубарев, 1999].

В. *Изображения лошади* (рис. 5). На пряслице из Загуньлука вырезано схематичное изображение лошади (без задней половины туловища) [Francfort, 2001, fig. 23]. Лошади подобного вида запечатлены в наскальном искусстве Алтая [Кубарев, 1999, табл. IV, 13], они зафиксированы также на изделиях, которые найдены в пределах территории, расположенной между р. Амударьей и оз. Иссык.

Г. *Сцена нападения: волк и дикie бараны* (рис. 6). Композиция, представленная на гребне из Загуньлука [Keuon, 2000, p. 416], весьма обычная для искусства степняков; ее варианты получили воплощение на поверхности камня [Кубарев, 1999, табл. VI, 4–17]. Образ волка, очень сходный с тем, что вырезан на гребне из Загуньлука, широко распространен в наскальном искусстве Южной Сибири [Sher, 1995, pl. 58] и в Кыргызстане (Жалтырак-Таш). Изображения дикого барана часто встречаются в Казахстане (Хантау и т.д.). В Сибири в основном запечатлен дикий козел (*Capra ibex sibirica*). Дикie бараны иногда показаны идущими рядами или разрозненно, как это представлено в сцене, вырезанной на одном из гребней [Баркова, 1984].

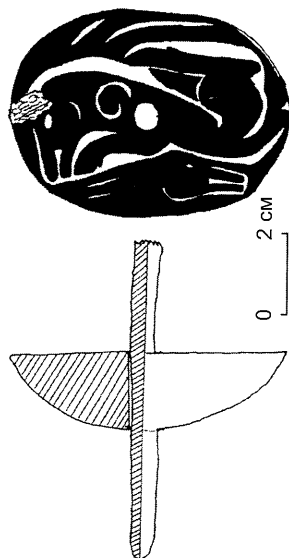

Рис. 5. Изображение лошади на деревянном пряслице. Загуньлук (Синьцзян).

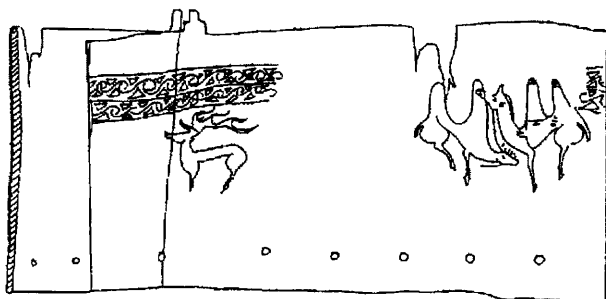

Рис. 7. Изображение верблюдов на деревянном сосуде. Загуньлук (Синьцзян).

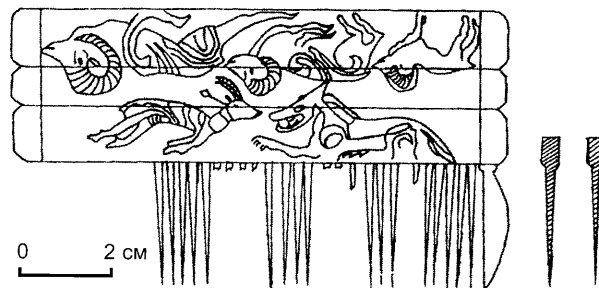

Рис. 6. Изображение волка и диких баранов на деревянном гребне. Загуньлук (Синьцзян).

Рис. 8. Изображение верблюдов на деревянном сосуде. Загуньлук (Синьцзян).

Дикий баран и волк, а также сцена нападения хищника на травоядное широко известны на предметах искусства степняков [Кубарев, 1999; Polos'mak, 1995; Полосьмак, 2000], а также по находкам в Синьцзяне на памятнике Джумбулак-Кум [Debaine-Francfort, 2001a, p. 167; Francfort, 2001, fig. 13] (волк нападает на дикого барана).

Д. *Противоборство верблюдов* (рис. 7, 8). Сцена имеет точные аналоги не только в орнаментике на различных предметах [Королькова, 1999], но и среди петроглифов Казахстана [Кадырбаев, Марьяшев, 1977, с. 103, рис. 53; с. 128, рис. 79] (рис. 9). Сходны все детали изображений верблюдов: волосяной покров на голове, ноги, высокие горбы и пр.

Е. *Стилистические особенности*. Резьбой по дереву и выбивкой на камне воспроизведены одни и те же темы и мотивы, более того, они выполнены в единой манере. Например:

а) общие детали: мускулы переданы изогнутыми линиями; рога оленя уложены на его спине; тело животных очерчено линиями;

б) отсутствие задней половины туловища животных типично для искусства восточной части Центральной Азии, особенно для Алтая и Тянь-Шаня; тот же стилистический прием широко использовали пазырыкцы;

в) бинарные композиции: противоборство верблюдов и нападение хищников на травоядных. Первая относится к казахской разновидности искусства степняков (как и фриз с изображением дикого барана), тогда как вторая широко распространена в горно-степной зоне Центральной Азии.

Ж. *Семантика изображений и функциональное назначение предметов*. Можно считать, что тут налицо некое иконографическое и стилистическое единство [Francfort, 2001]. Сходство изображений и стиля свидетельствует о том, что одинаковый худо-

Рис. 9. Изображение верблюдов на поверхности камня. Арпозен (Казахстан).

жественный мир образов, воплощенных на поверхности камня и на деревянных изделиях, простирался от казахстанских степей до пустынных пространств Такламакана.

Элементы изобразительного искусства Такламакана украшали предметы повседневного пользования — ведра, гребни, пряслица. Пользовались ли такими предметами только женщины? Утверждать или отвергать это трудно. Главное состоит в том, что аналогичные образы и стиль характерны для изделий повседневного пользования, а не для престижных и дорогих украшений и ритуальной атрибутики. Следовательно, эти изображения не несут важную смысловую нагрузку и потому их следует считать чисто декоративными. Вместе с тем они составляют богатый набор разных иконографических и стилистических элементов.

Для представителей населения аллювиальной равнины, подобной той, что находится в дельте Керии, и оседлого земледельческого общества эти изображения, возможно, не имели того же значения, что петроглифы, широко распространенные на скалах в северных областях, где обитали кочевые пастушеские племена. Земледельцы Загуньлука и Джумбулак-Кума не носили металлических поясных пряжек и сложных головных уборов с многочисленными украшениями, но богато украшали конское снаряжение. Для людей, обитавших вдали от скал, а также древних кочевников Пазырыка, Тувы, Улангома и носителей других культур окружавшие их предметы служили основой для художественного воплощения определенных образов.

Бактрийские камнерезы и петроглифы

На юге Узбекистана и Таджикистана известно относительно немного местонахождений петроглифов. В Афганской Бактрии таковые пока не обнаружены.

Памир также не очень богат памятниками наскального искусства. Подходящие для сравнения материалы широко представлены на территории Восточной Бактрии в районе долины верхнего течения Инда.

А. *Каменные крышки* (рис. 10, 11). Эти весьма специфические изделия бактрийских камнерезов Ай Ханума закрывали сверху каменные ящики, которые считаются прообразом буддистских гробниц кушанского периода [Francfort, 1976]. Крышки украшались либо инкрустацией из цветных пластин, либо гравировкой в стиле геометрического псевдонатуралистического узора, либо изображениями животных или людей. Все мотивы исполнены в технике наклонной резьбы, сопровождаемой клинообразными насечками. Среди животных обычно изображены лошади и дикие бараны. Их фигуры размещались фризом вокруг центральной выпуклой части крышки и чередовались с участками, украшенными геометрическим узором или инкрустациями. Головы баранов повернуты к спине, рога развернуты, а одна из передних ног согнута, что создает впечатление движения галопом. Грива лошадей показана отделенным от шеи рядом острых клинообразных насечек. Некоторые участки крышки оставлены неукрашенными, на них просматриваются вкрапления не затронутой обработкой породы камня. Те же черты отчетливо прослеживаются на двух изображениях на камне, обнаруженных в долине верхнего течения Инда. Они датируются серединой I тыс. до н.э. (рис. 12, 13) [Jettmar, Thewalt, 1987, S. 18, photo 5; pl. 4]*. Изображение дикого барана находит некоторые параллели с фигурами на печатях из сокровищницы Персеполия, но отличается от фигур, представленных на печатях царской серии. Печати из Ай Ханума также имеют сходные черты [Guillaume, Rougeulle, 1987, pl. 27, 5]. На печати из частной коллекции, составленной из находок из Бактрии, крылатые и рогатые животные (пегасы?) изображены в той же позе, что и лошади в петроглифах в верховьях Инда (одна из их передних ног согнута) (рис. 14) [Sarianidi, 1998, fig. 1399].

Б. *Гербовые печати*. Немногие из них по происхождению связаны с Ай Ханумом. Если не учитывать классического вида скарабея из халцедона (греко-персидский стиль), на котором представлено изображение собаки, и аметиста с портретом принцессы [Francfort, 1984, pl. XXXV], то все печати не относятся к категориям престижной дворцовой глиптики. Здесь в качестве материала для изготовления печатей использовался обычный сланец, а изображения выполнялись схематично.

* Здесь “лошадь” оценивается как поздний элемент, однако изображения лошадей, диких баранов и определенные стилистические черты Ай Ханума указывают на раннюю дату.

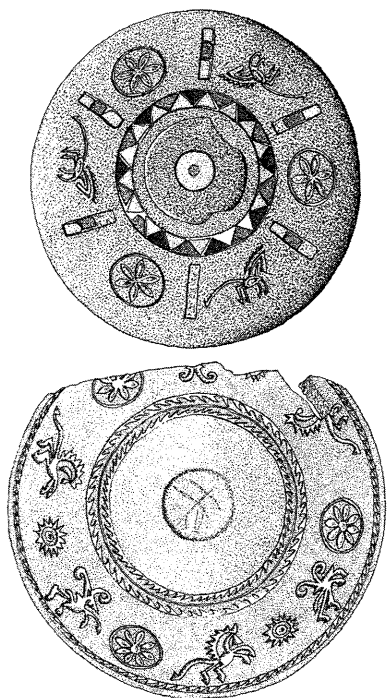

Рис. 10. Изображения лошадей и баранов на каменной крышке. Ай Ханум (Афганистан).

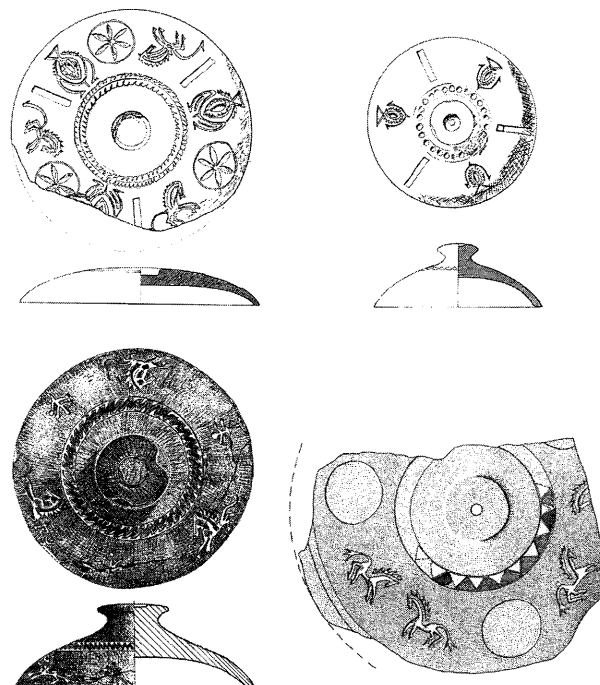

Рис. 11. Изображение лошадей на каменной крышке. Ай Ханум (Афганистан).

Рис. 12. Изображение лошади на поверхности камня. Талпан (Пакистан).

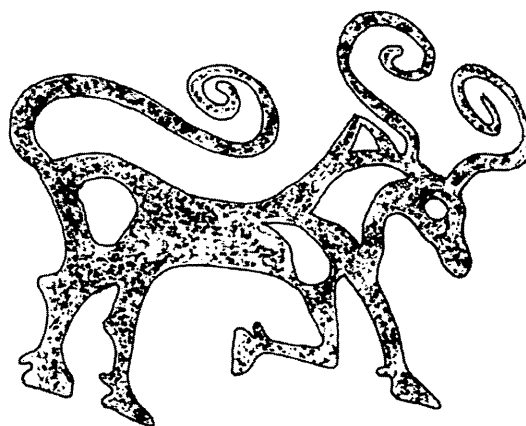

Рис. 13. Изображение мифической лошади на поверхности камня. Талпан (Пакистан).

а) лошадь (рис. 15) [Guillaume, Rougeulle, 1987, pl. 27, 5; pl. 24, 12]. Пирамидальная прямоугольная печать с тремя фигурами (мчащаяся галопом лошадь и два извилистых знака), вырезанными на лицевой стороне. У лошади четыре ноги, длинный хвост и отделенная от шеи грива, изображенная клинообразными насечками. Все это напоминает упомянутые выше украшения на каменной крышке и позволяет думать, что работа была выполнена одним мастером или по крайней мере в той же художественной мастерской. В той же манере и в том же стиле исполнена мчащаяся галопом лошадь на печати (неизвест-

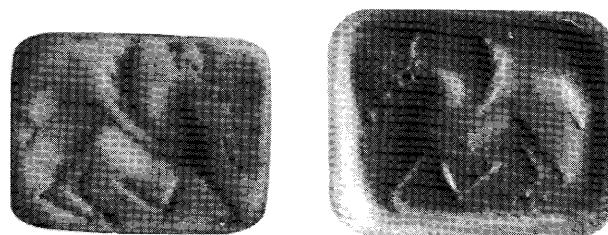

Рис. 14. Изображение мифической лошади на каменной печати. Бактрия (Афганистан).

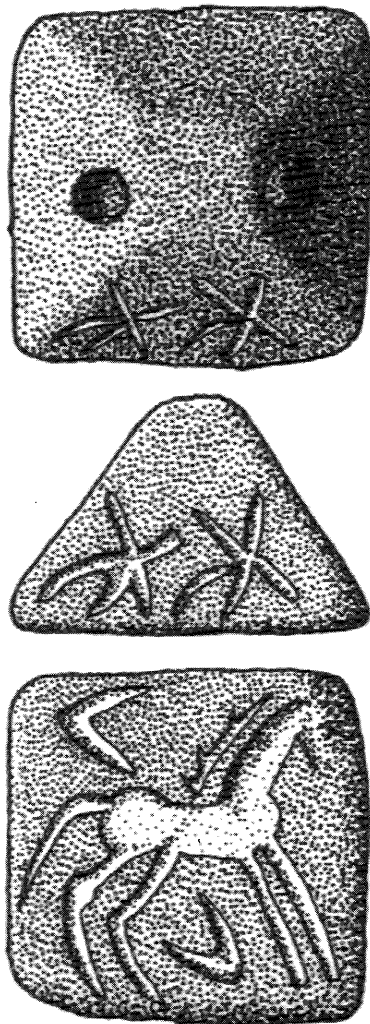

Рис. 15. Изображение лошади на каменной печати.
Ай Ханум (Афганистан).

ного происхождения) из Бактрии [Sarianidi, 1998, fig. 1373, 2]. На другой стороне печати запечатлен крылатый монстр, похожий на дракона.

б) монстр (рис. 16). Еще одна печать из Ай Ханума имеет коническую форму. На ней изображено лежащее животное из семейства кошачьих с крыльями и рогами [Guillaume, Rougeulle, 1987, pl. XXIV, fig. 8; pl. XX, fig. 4]. Две сходные печати из Бактрии находятся в частной коллекции [Sarianidi, 1998, figs. 1369, 1370] (рис. 17). Передняя нога животного поднята вверх, а рог изображен клинообразными насечками. Среди петроглифов нет точных параллелей этим изображениям монстров – подражаниям средневосточному образу сфинкса, заимствованного вместе со стилистическими приемами резьбы по камню, которые использовались в наскальном искусстве, а также в народном искусстве бактрийцев. “Линейный клинообразный стиль” либо произошел от наскального искус-

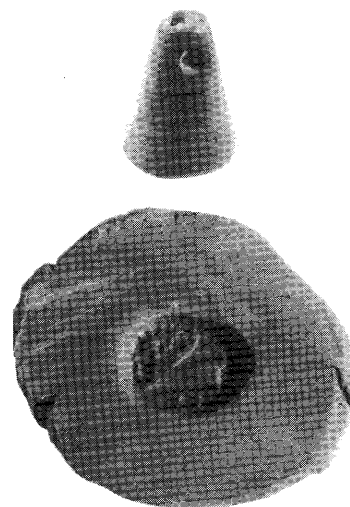

Рис. 16. Изображение сфинкса на каменной печати.
Ай Ханум (Афганистан).

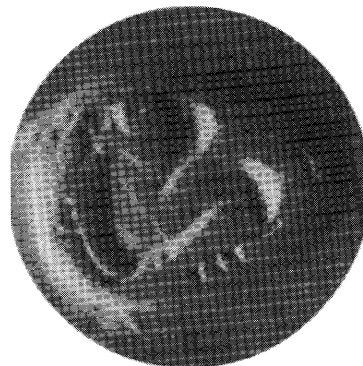

Рис. 17. Изображение сфинкса на каменной печати.
Бактрия (Афганистан).

ства, либо изначально использовался при резьбе по камню и дереву. Небольшой размер печатей и каменных крышек – это то, о чем тоже стоит задуматься: технически разнородные тонкие линии и клинообразные насечки мастерски совмещались друг с другом при украшении изделий. Этот стиль характерен для предметов местного происхождения (крышки) или для тех, что были заимствованы у ахеменидских мастеров (цилиндрические, пирамидальные или конические гербовые печати). Ниже этот важный вопрос будет рассмотрен в связи с анализом образа животного из семейства кошачьих.

в. *Цилиндрическая печать* (рис. 18). Животное из семейства кошачьих. На фрагменте цилиндрической печати из Ай Ханума представлено геральдическое животное из семейства кошачьих, судя по полосам, тигр [Guillaume, Rougeulle, 1987, pl. XXIV, fig. 3; pl. XX, fig. 7]. У животного четыре ноги с длинными когтя-

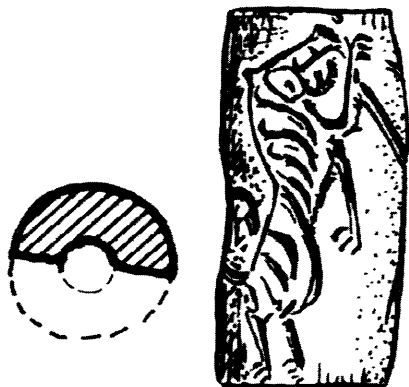

Рис. 18. Изображение тигра на каменной цилиндрической печати. Ай Ханум (Афганистан).

Рис. 19. Изображение животных из семейства кошачьих на поверхности скал и на оленных камнях. Центральная Азия.

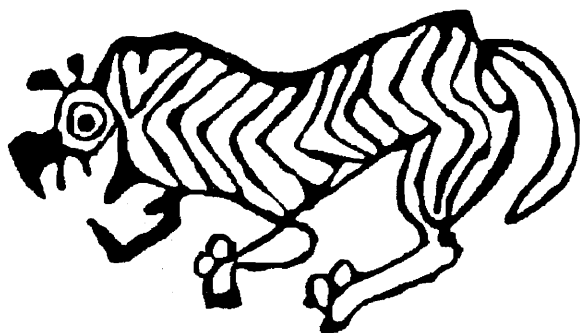

Рис. 20. Изображение тигра на поверхности камня. Иньшань (КНР).

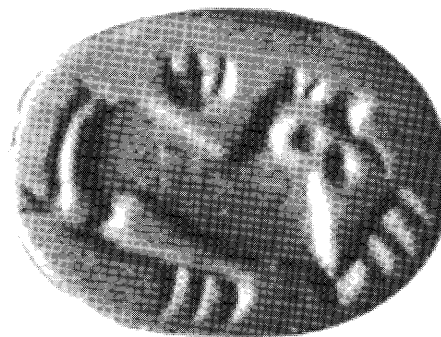

Рис. 21. Изображение животного из семейства кошачьих на каменной печати. Бактрия (Афганистан).

ми, загнутый над спиной хвост, открытая клювовидная пасть и круглый глаз. Возможно, это персонаж одной из версий сражения богатыря царского статуса с монстром (но почему в данном случае тигр?) или сцены борьбы либо просто отдельное изображение тигра. Стиль исполнения животного аналогичен тому, что использовали степняки при изображении хищников семейства кошачьих. Этот стиль отражен в наскальном искусстве и на оленных камнях в Монголии, Сибири и Казахстане, а также в рисунках на художественных изделиях [Новгородова, 1984, с. 98, рис. 37] (рис. 19, 20). Однако одно изображение животного из семейства кошачьих на бактрийской печати из личной коллекции имеет стилистические особенности искусства степняков [Sarianidi, 1998, fig. 1377] (рис. 21).

На другой цилиндрической печати из той же коллекции изображено свернутое клубком животное из семейства кошачьих – один из самых популярных мотивов искусства степняков (рис. 22). Изображения таких животных встречаются среди петроглифов, на оленных камнях, а также на изделиях из металла, дерева и другого материала (см. недавно опубликован-

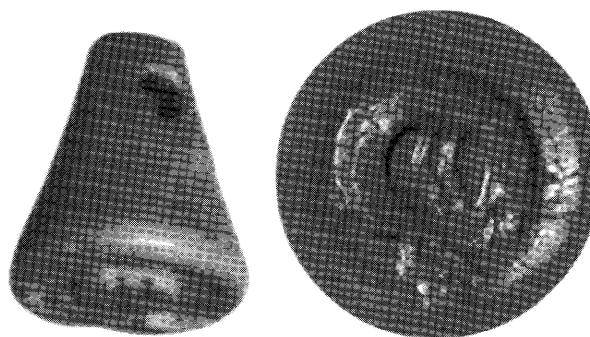

Рис. 22. Изображение свернутого клубком животного из семейства кошачьих. Бактрия (Афганистан).

ные статьи по этому вопросу [Кисель, 1994; Marazov, 2000; Полидович, 2001]). В Бактрии искусство степняков нашло отражение на предметах явно средневосточного происхождения. Лучшая иллюстрация тому – цилиндрическая печать с исполненной на ней фигурой, характерной для степного искусства. Бактрийские камнерезы объединяли самые разные изобразительные традиции. В этой связи можно также вспомнить

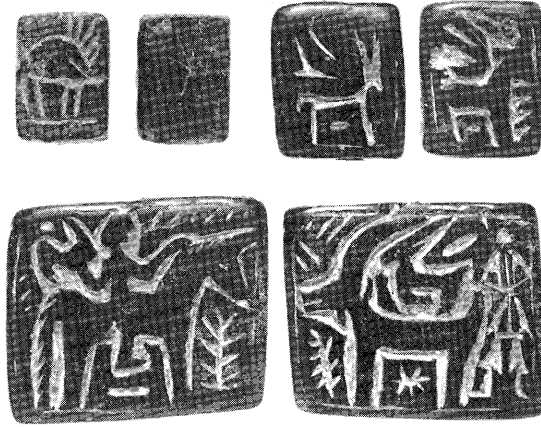

Рис. 23. Бактрийские каменные печати.
Гарав-Кала (Таджикистан).

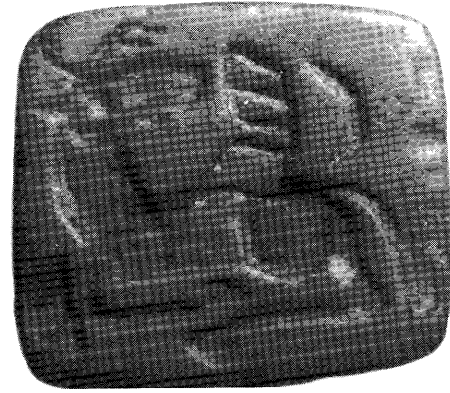

Рис. 24. Изображение крылатой лошади на каменной печати. Бешкент (Таджикистан).

о том, что две волчьи головы, выполненные в стиле искусства степняков, были найдены в Тахт-и Сангине: одна запечатлена на бронзе, другая – на желтом мыльном камне [Зеймаль, 1985, рис. 214] с типичными для Ай Ханума инкрустацией из цветных камней и манерой стилизации.

Г. *Функции предметов и значение изображений.* Изделия из Бактрии отличаются некоторым иконографическим и стилистическим единством, которое характерно и для искусства Синьцзяна: мотив глаза и клюва; животное, свернутое клубком; положение и форма рогов оленя; сцены борьбы животных; изображение острых когтей; сохранение необработанных участков поверхности камня на шее, плечах и спине запечатленных художником животных.

Каменные крышки и печати из Бактрии представляют собой образцы местного народного искусства, отличного от дворцового искусства Ахеменидов и греков, а также от классического искусства степняков. Притом декоративные предметы могут быть либо чисто местными по происхождению (крышки дарохранилищ – *rukhides* или небольшие ящички для хранения монет), либо переоформленными персидскими изделиями (цилиндрические и пирамидальные гербовые печати). Этот довольно своеобразный (по форме, манере украшения, иконографии) тип печати встречается не только в Афганской Бактрии. Аналогичные изделия обнаружены среди печатей-амулетов на местонахождении Гарав-Кала в Таджикистане (рис. 23) [Там же, с. 140, рис. 379 – 381], в долине Бешкента (рис. 24) [Denisov, 1996] и в Хорезме (печати из подъемных сборов близ Кодж-Крылган-Калы (см.: [Полевые исследования..., 1960, с. 13, рис. 8]), совсем иные печати найдены на самом памятнике). Сцены и фигуры, запечатленные по шаблону на некоторых изделиях из Хорезма (охота на оленя, грифон, верблюд), также свидетельствуют о связях в ахеменидско-эллинический

период народного искусства Центральной Азии с искусством степняков. Неизвестно точное назначение самих этих изделий, но то, что украшает их, по иконографии напоминает степное, особенно наскальное, искусство. Мотивы эти заимствованы у обитателей степей и гор. Что касается образа рогатого и крылатого монстра, то он мог быть либо переработкой изображений драконов бронзового века Бактрии, либо заимствован у персов. У Ахеменидов рогатые животные из семейства кошачьих, львы, обычно наделялись рогами козла, а не оленя. Вместе с тем у степняков некоторые изображения животных, таких как волк или тигр, украшающих погребальную колоду из Тузкты, имеют рога оленя [Руденко, 1960, рис. 154, κ]. Тем не менее по строению тела и расположению отдельных его частей бактрийский монстр более напоминает сфинкса Ахеменидов на золотой пластине из Амударьинского клада. И в данном случае “рога оленя” – стилизованная корона [Dalton, 1964, pl. XXI, fig. 27]. Не исключено, что ахеменидский сфинкс мог быть традиционной моделью животного семейства кошачьих с рогами оленя, исполненной в “линейном клинообразном стиле”. Другой важный момент – характерные стилистические особенности: сохранение необработанных участков поверхности камня, изображение округлого глаза и клюва, изогнутого и прямого рога, согнутой передней ноги, длинных когтей и зубов. Все это – весьма примечательные черты искусства степняков, в значительной степени наскального (см., напр., изображения лошадей в долине верховьев Инда). Кроме того, важно, что степные мастера резьбы по камню и дереву использовали линейную обработку рисунка, технику наклонной резьбы и клинообразные насечки. В ту пору изделия многих видов делали из металла, и те, которые предполагалось украсить, стилизовали изображениями, давали художнику возможность успешно реализовать задуманное.

Некоторые наблюдения, проблемы и выводы

А. *Разные по историческому происхождению предметы* – местные предметы повседневного пользования в Синьцзяне; малопрестижные предметы в Бактрии; изображения, сходные с теми, что наличествуют среди петроглифов, имеют разные истоки и служат разным целям в земледельческих обществах.

Б. *Подбор изображений* – лошади и пр. Как в Синьцзяне, так и в Бактрии, встречаются изображения лошадей, диких рогатых животных (баран и олен), хищных зверей (волк и тигр). Но изображения синкретических животных или монстров в Синьцзяне отсутствуют, по крайней мере в рассматриваемый период. Спустя два столетия на шампуньских тканях появились изображения монстров, напоминающие пазырыкские и ноин-улинские. Синкретические чудовища, независимо от их происхождения (местного или ахеменидского), имели своих предшественников в Бактрии и Южной Сибири, но, видимо, не в Такламакане.

В. *Незапечатленные образы*. Интересно отметить отсутствие некоторых из наиболее популярных персонажей и композиций наскального искусства (птица, колесница, сцена охоты и пр.) на местонахождениях, которые здесь рассматриваются. Это обусловлено в какой-то мере, вероятно, временем бытования культур (диапазон тем и изображений в железном веке на всей территории Центральной Азии был не столь широк, как в бронзовом) и отчасти типом общества: земледельцы могли использовать иные средства (пространственные, искусство валяния) для того, чтобы отразить в оригинальном искусстве свое мировоззрение, отличное от миропонимания кочевников.

Г. *Мастерские*. Очевидно, бактрийские камнерезы составляли некую корпорацию мастеров по изготовлению каменных ящичков (дарохранительниц) и крышек для них, а также подвесок с инкрустацией из камней того же цвета, что украшают некоторые каменные крышки и ритоны из рога. Эти умельцы создавали произведения искусства, не следуя степному ахеменидскому или греческому стилю. Плоды их труда – образцы чисто бактрийского искусства [Francfort, 1984, p. 122 – 123]. Что касается орнаментированных предметов из дерева из Синьцзяна, то их хорошо налаженное производство находилось, вероятнее всего, в руках “единоличников”, проживавших в сельской местности. Деревянные изделия, украшенные сходной линейной резьбой, найдены в Циньхае [Ковалев, 2001], но они, вероятно, не имеют родственных связей с оленными камнями на Алтае [Кубарев, 1979, с. 72, рис. 19]. Эти предметы обнаружены в могилах, над которыми ставились каменные изваяния. Похоже, тут неуместно говорить о городских объединениях мастеров художественного творчества.

Д. Должна быть признана важность местного народного творчества земледельческих обществ, оплодотворенного центральноазиатской тематикой, мотивами и стилем. Ясна и значимость текстильных и металлических изделий. Бесспорно, что наряду с кочевниками с их искусством степного мира существовали великие империи земледельческих обществ. Единый художественный стиль степняков имел широкое распространение, но на данной стадии исследования трудно точно сказать, что способствовало этому. Тем не менее факт влияния, которое степное искусство оказывало на самобытное бактрийское искусство в период господства Ахеменидов и греков, имеет огромное историческое значение. В Синьцзяне четче прослеживаются чисто степные особенности художественного творчества. Еще более контрастно выглядит наскальное искусство в районе Памира, где оно представлено весьма скупое. Чтобы выйти на бактрийское искусство, связанное с изображениями на камне, а также на искусство степняков, следует двигаться по маршруту, ориентированному в зону бассейна верхнего течения Инда [Jettmar, 1991; Parzinger, 2001]. Эта традиция до некоторой степени сохраняется при исполнении популярных мотивов искусства на амулетах в первые века нашей эры, например, в Таджикистане (Душанбе) и Узбекистане (Кончи II). Та же традиция прослеживается в Таксиле (Taxila), Парфии, Маргиане и Хорезме, но отражена она в изобразительном искусстве, основанном на более каноничных формах ахеменидского, греко-персидского и греческого искусства, представленного в степях, Амударьинском кладе и “Втором Амударьинском кладе”.

Список литературы

- Артамонов М.И.** Сокровища саков: Амударьинский клад, алтайские курганы, минусинские бронзы, сибирское золото. – М.: Искусство, 1973. – 278 с.
- Баркова Л.Л.** Резные изображения животных на саркофаге из 2-го башадарского кургана // Археол. сб. – 1984. – № 25. – С. 83 – 89.
- Ван Бинхуа.** Петроглифы, изображающие ритуал плодородия, в Канцзяшимэньцзы, уезд Хэтуби // Синьцзян вэнью. – 1988. – № 2. – С. 2 – 15 (на кит. яз.).
- Ван Бо, Лу Липэн, Сюй Хуйхун, Айнивар Айшань, Юсуф Маймайги.** Могильник № 1 в Цзахуньлук, уезд Цемо, Синьцзян // Синьцзян вэнью. – 1998. – № 4. – С. 1 – 53 (на кит. яз.).
- Ван Лишань, Ван Бо.** Чжунго Артай шань цаоюань вэнью [Памятники материальной культуры в горных степях Алтая, Китай]: China's Cultural Relics of Grassland in Altai. – Урумчи; Шэньчжэнь: Синьцзян мэйшу шэин чубаньшэ, 1996. – 96 с. (на кит. яз.).
- Ван Минчжэ.** Обзор недавно обнаруженных петроглифов Алтая // Синьцзян шэхуй кэсюэ. – 1986. – № 6. – С. 78 – 81 (на кит. яз.).

- Двуреченская Н.Д.** Стержни из могильников Северной Бактрии – Тохаристана и их аналогии в амударьинском кладе // РА. – 1996. – № 3. – С. 171 – 175.
- Зеймаль Е.В.** Амударьинский клад. – Л.: Наука, 1979. – 94 с.
- Зеймаль Е.В.** Древности Таджикистана. – Душанбе: Дониш, 1985. – 341 с.
- Кадырбаев М.К., Марьяшев А.Н.** Наскальные изображения хребта Каратау. – Алма-Ата: Изд-во Ин-та истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова, 1977.
- Кисель В.А.** Несколько замечаний об образе кошачьего хищника в раннем скифском искусстве // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху / Отв. ред. А.Ю. Алексеев, Н.А. Боковенко, Л.С. Марсадалов, В.А. Семенов. – СПб.: РАН; Российский фонд фундаментальных исследований; ИИМК; Гос. Эрмитаж; Проект “Скифо-Сибирика”. – 1994. – С. 111 – 121.
- Ковалев А.А.** О происхождении культуры оленных камней // Евразия сквозь века: Сборник научных трудов, посвященный 60-летию со дня рождения Дмитрия Глебовича Савинова / Отв. ред. С.Н. Астахов. – СПб.: Филол. фак. СПГУ, 2001. – С. 160 – 166.
- Королькова Е.Ф.** Образы верблюдов и пути их развития в искусстве ранних кочевников Евразии // Археол. сб. – 1999. – № 34. – С. 68 – 96.
- Кубарев В.Д.** Древние изваяния Алтая. Оленные камни. – Новосибирск: Наука, 1979. – 112 с.
- Кубарев В.Д.** Пазырыкские сюжеты в петроглифах Алтая // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин, А.А. Тишкин. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1999. – С. 84 – 92.
- Кузьмина Е.Е.** Семантика изображения на серебряном диске и некоторые вопросы интерпретации амударьинского клада // Искусство Востока и античности. – М.: Наука, 1977. – С. 16 – 25.
- Кузьмина Е.Е.** О двух перстнях амударьинского клада с изображением царя // СА. – 1979. – № 1. – С. 35 – 45.
- Литвинский Б.А.** Бактрийский храм Окса и восточно-иранский эллинизм: проблемы и гипотезы // ВДИ. – 2000. – № 2. – С. 213 – 221.
- Марсадалов Л.С., Самашев З.С., Шер Я.А., Ермолаева А.С., Курманкулов Ж.К., Жетыбаев Ж.М.** Исследования в Восточном Казахстане в 1997 г. // Отчетная археологическая сессия за 1997 г. / Отв. ред. Ю.Ю. Пиотровский. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа. – 1998. – С. 7 – 11.
- Новгородова Э.А.** Мир петроглифов Монголии. – М.: Наука, 1984. – 168 с.
- Полевые исследования** Хорезмской экспедиции в 1957 г. // Материалы Хорезмской экспедиции / Под ред. С.П. Толстова. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – Т. 4.
- Полидович Ю.Б.** К истокам скифского искусства: происхождение мотива свернувшегося хищника // РА. – 2001. – № 3. – С. 25 – 34.
- Полосьмак Н.В.** Пазырыкские войлоки: укокская коллекция // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 1. – С. 94 – 100.
- Полосьмак Н.В.** Всадники Укока. – Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2001. – 336 с.
- Руденко С.И.** Культура населения Центрального Алтая в скифское время. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 359 с.
- Самашев З.С.** Наскальные изображения Верхнего Прииртышья. – Алма-Ата: Изд-во Галым, 1992. – 287 с.
- Самашев З.С.** Петроглифы Казахстана // Петроглифы Центральной Азии / Отв. ред. К. Ташбаева, М. Хаджаназаров, В. Ранов, З. Самашев. – Бишкек: Изд-во Междунар. Ин-та изучения Центральной Азии в Самарканде, 2001. – С. 151 – 219.
- Ставиский Б.Я.** Заметки об амударьинском кладе // Искусство Востока и античности. – М., 1977. – С. 42 – 47.
- Су Бэйхай.** Синьцзян яньхуа [Наскальные рисунки Синьцзяна]. – Урумчи: Синьцзян мэйшу шэин чубаньшэ, 1994. – 613 с. (на кит. яз.).
- Феномен алтайских мумий** / Отв. ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – 320 с.
- Чжао Янфэн.** Чжунго Артай шань яньхуа [Наскальные рисунки в Алтайских горах Китая]. – Сиань: Шэньси жэньминь мэйшу чубаньшэ, 1987. – 128 с. (на кит. яз.).
- Шер Я.А.** Петроглифы Средней и Центральной Азии. – М.: Наука, 1980. – 327 с.
- Barnett R.D.** The art of Bactrica and the treasure of the Oxus // Iranica Antiqua. – 1968. – N 8. – P. 34 – 54.
- Dalton O.M.** The Treasure of the Oxus. – L.: The British Museum, 1964. – 75 p.
- Debaine-Francfort C.** Archéologie du Xinjiang des Origines aux Han. I // Paléorient. – 1988. – Vol. 14(1). – P. 5 – 29.
- Debaine-Francfort C.** Archéologie du Xinjiang des Origines aux Han. II // Paléorient. – 1989. – Vol. 15(1). – P. 183 – 213.
- Debaine-Francfort C.** Keriya, mémoires d'un fleuve // Archéologie et civilisation des oasis du Taklamakan. – P.: Editions Findakly, 2001a. – 245 б.
- Debaine-Francfort C.** Xinjiang and Northwestern China around 1000 B.C. Cultural Contacts and Transmissions // Migration and Kulturtransfer. Der Wandel vorder- und zentralasiatischer Kulturen im Umbruch vom 2. zum 1. Vorchristlichen Jahrtausend. Akten des Internationalen Kolloquiums Berlin, 23. bis 26. November 1999 (Kolloquien Vor- und Frühgeschichte, vol. 6) / Red. R. Eichmann und H. Parzinger. – Bonn: Dr. Rudolf Habelt, 2001b. – S. 57 – 70.
- Denisov E.** Ch'i – Lien, Mao – Mond. Masken aus den Kurganen von Pazyryk und die Yüetschi-Tokharer – zur Einordnung eines Steinsiegel – Intaglios aus dem Beshkent-Tal in Süd-Tadzhikistan // Archäologische Mitteilungen aus Iran. – 1996. – N 28. – S. 329 – 336.
- Francfort H.-P.** Les mod'eles gréco-bactriens de quelques reliquaires et palettes 'a fards 'gréco-bouddhiques' // Arts Asiatiques. – 1976. – Vol. 32. – P. 91 – 98.
- Francfort H.-P.** Fouilles d'Ai Khanoum III. Le sanctuaire du temple 'a nuches identées 2. Les trouvailles. – P.: De Boccard, 1984. – 143 p. – (Mémoires de la Mission Archéologique Française en Asie Centrale; Vol. 27).
- Francfort H.-P.** New Data Illustrating the Early Contacts between Central Asia and the North-West of the Subcontinent // South Asian Archaeology. – Madison: Wisconsin Prehistory Press, 1989. – P. 97 – 102. – (Monographs in World Archaeology; Vol. 14 / Ed. C. Jarrige).
- Francfort H.-P.** Les pétroglyphes d'Asie centrale et la route de la soie // Les Routes de la soie. Patrimoine commun, identités plurielles. – Paris: UNESCO, 1994. – P. 35 – 52.

- Francfort H.-P.** De l'art des steppes au sud du Taklamakan // *Bul. of the Asia Institute*. – 2001. – N 11. – P. 45 – 58.
- Guillaume O., Rougeulle A.** Fouille d'Aï Khanoum VII. Les petits objets. Dessins de A. Rougeulle et G. Samoun. – P.: De Boccard, 1987. – 74 p. – (*Mémoires de la Mission Archéologique Française en Asie Centrale*; Vol. 31).
- He Dexiu.** A Brief Report on the Mummies from the Zaghunluk Site in Chärchän County // *The Bronze Age and Early Iron Age Peoples of Eastern Central Asia* / Ed. V. Mair. – Philadelphia: The Institute for the Study of Man; The University of Pennsylvania Museum Publications, 1998. – P. 169 – 174.
- Jettmar K.** The Art of the Northern Nomads in the Upper Indus Valley // *South Asian Studies*. – 1991. – N 7. – P. 1 – 20.
- Jettmar K., Thewalt V.** Between Gandhara and the Silk Roads. Rock-Carvings along the Karakorum Highway. – Mainz: Philipp von Zabern, 1987. – 36 S.
- Kamberi D.** The Three Thousand Year Old Chärchän Man Preserved at Zaghunluk // *Sino-Platonic Papers*. – 1994. – N 44. – P. 1 – 15.
- Keyom H.** Report on the excavations of five graves at Zaghunluk, Jumo County // *China Archaeology and Art Digest*. – 2000. – Vol. 3(4). – P. 415 – 417.
- Kilunovskaya M.E., Krasnienko S.V., Semenov V.A., Subbotin A.V.** Investigation of rock art in the North-West of the Minusinsk basin in 1999 // *SAPAR Bul.* – 2000. – N 3. – P. 22 – 24.
- Litvinskiy B.A., Pichikyan I.R.** A rhyton from Takhti Sangin // *Ancient Civilizations*. – 1994. – Vol. 1(3). – P. 355 – 364.
- Litvinskiy B.A., Pichikyan I.R.** Gold Plaques from the Oxus Temple (Northern Dactria) // *Ancient Civilizations*. – 1995. – Vol. 2(2). – P. 196 – 200.
- Marazov I.** The “coiled carnivore”: visual etymology of the subject // *International Prehistoric Art Conference 3 – 8 August 1998* / Ed. Ja.A. Sher. – Kemerovo: SAPAR, 2000. – Vol. 2. – P. 150 – 160.
- Mar'jashev A.N., Gor'jachev A.A., Potapov S.A.** Kazakhstan I: choix de pétroglyphes du Semirech'e (Felsbilder im Siebenstromland) (*Répertoire des Pétroglyphes d'Asie centrale, fascicule 5*). – P.: De Boccard, 1998. – 51 p. – (*Mémoires de la Mission Archéologique Française en Asie Centrale*; Vol. 5(5)).
- Parzinger H.** Bemerkungen zu einigen Tierstilbronzen zwischen Karakorum und Pamir // *Lux Orientis. Archäologie zwischen Asien und Europa. Festschrift für Harald Hauptmann zum 65. Geburtstag* / Red. R.M. Boehmer und J. Maran. – Rahden: Verlag Marie Leidorf, 2001. – S. 321 – 326.
- Pichikyan I.R.** Oxos-Schatz und Oxos-Tempel. Achämenidische Kunst in Mittelasien. – Berlin: Akademie Verlag, 1992. – 155 S.
- Pichikyan I.R.** Rebirth of the Oxus treasure: second part of the Oxus treasure from the Miho Museum collection // *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia*. – 1997. – Vol. 4(4). – P. 307 – 383.
- Polos'mak N.V.** Investigations of a Pazyryk Barrow at Kuturguntas // *Ancient Civilizations*. – 1995. – Vol. 2(1). – P. 92 – 111.
- Sarianidi V.I.** Myths of Ancient Bactria and Margiana on its Seals and Amulets. – Moscow: Pentaglyphic Ltd., 1998. – 335 p.
- Sher Ja.A.** Commentaire // *Répertoire des pétroglyphes d'Asie centrale*. – P.: De Boccard, 1995. – Fascicule 2: Sibérie du Sud 2: Tepsej I – III, Ust'-Tuba I – IV (Rus sie, Khakassie). – P. I – XX. – (*Mémoires de la Mission Archéologique Française en Asie Centrale* / Dir. H.-P. Francfort et Ja.A. Sher; Vol. 5(2)).
- The Altai Culture:** Catalogue. – Seoul: N.p., 1995. – 191 p.

Материал поступил в редколлегию 29.03.02 г.

УДК 902.2

В.Д. Кубарев¹, Д. Баяр²¹Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия

E-mail: vd@online.nsk.su

²Институт истории АН Монголии

Жуковын гудамж, 77, Улаанбаатар – 51, Республика Монголия

E-mail: otgon@magicnet.mn

КАМЕННЫЕ ИЗВАЯНИЯ ШИВЕТ-УЛАНА (ЦЕНТРАЛЬНАЯ МОНГОЛИЯ)

Введение

В последние годы внимание ученых все больше привлекают археологические и историко-культурные памятники Монголии. Возросший интерес связан с интеграцией научных исследований стран Запада и Востока, результатом которой явились десятки международных экспедиций. В настоящее время на постоянной основе на территории Монголии работают ученые из России, США, Германии, Франции, Бельгии, Турции и Республики Корея. В ряду новейших исследований можно назвать и ревизионные работы, которые в 1997 г. проводили участники совместного монгольско-японского проекта по изучению исторических мест и древних надписей Монголии [Provisional report, 1999, pl. 5, a – i]. Они обследовали, в частности, один из крупнейших поминальных мемориалов древнетюркской знати, известный в научной литературе как Шивет-Уланский комплекс. В данной публикации авторы приводят описание каменных скульптур, уточненные прорисовки фигур, цветные фотографии и точные координаты комплекса, а также дают анализ реалий, показанных на изваяниях, – все это является одним из главных условий для исчерпывающего научного исследования и исторической реконструкции.

Описание комплекса

Древнетюркский мемориал Шивет-Улан находится в 520 км к западу от г. Улан-Батора, на административной границе Баян-Агт сомона Булганского аймака и Хайрхан-сомона Архангайского аймака (рис. 1). Географическое положение памятника на территории Центральной Азии определяется координатами: 48° 47' 54" с.ш. и 102° 00' 45" в.д. и высотой местности 1 340 м над ур. м.

Комплекс сооружен на восточном склоне небольшой возвышенности (рис. 2) у слияния рек Хануй и Хуни. Его внешняя ограда образована насыпным каменным валом, а внутреннее пространство разделено такой же каменной стенкой на две части: в западной расположена высокая и обширная насыпь с “грабительской (?)” воронкой в центре, в восточной – изваяния людей, скульптуры львов, баранов и остатки поминального храма в виде обломков кирпичей и черепицы (рис. 3). На восточной стороне за входным проемом в насыпном валу ранее была установлена песчаниковая плита, на лицевой стороне которой выгравировано около 60 знаков (рис. 4). Балбалы отсутствуют. Нет также постамента в виде изображения черепахи и памятной стелы с надписями, традиционных для отдельных поминальных храмов правящего рода тюрк-тугю*. Все каменные скульптуры на Шивет-Уланском памятнике изготовлены из вулканического базальта темно-серого цвета, который был взят из близко расположенных каменных разломов. Надо полагать, что где-то рядом находилась и мастерская каменотесов, изготовивших в короткий срок около 20 скульптур.

В предыдущих публикациях исследователи называли разное количество каменных фигур, находящихся в Шивет-Улане. Так, Б. Бамбаев писал, что там имеются изображения девяти человек и пяти собак (львов). Ц. Доржсурэн увидел всего шесть человеческих скульптур, количество изображений львов и баранов им не названо. По сведениям С. Харжаубая, на памятнике были фигуры девяти человек, четырех-пяти львов и четырех баранов. В.Е. Войтов насчитал

* Описание, план памятника и изображение стелы с тамгами взяты из работы В.Е. Войтова [1996, с. 30, рис. 10, 42].